

# ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОЗА: ФИЛОСОФСКИЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ

Анцыферова О. Ю.  
Санкт-Петербург, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-1219-0134  
E-mail: Olga\_antsyrf@mail.ru

УДК 008(73)  
DOI 10.26170/FK19-04-14  
ББК Ч10  
ГРНТИ 17.09.91  
Код ВАК 10.01.03

## ШПЕНГЛЕРИАНСТВО В АМЕРИКАНСКОМ КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ

**А н н о т а ц и я .** Цель статьи – рассмотреть три наиболее ярких случая влияния Освальда Шпенглера на художников и мыслителей США (Ф. Скотт Фицджеральд, Дж. Керуак, А. Блум). Предмет – шпенглеровские культурные концепты, которые оказались наиболее им близки, и мировоззренческие основания выявленного трансфера культурных концептов. Методология – одна из современных модификаций компаративного метода – изучение культурного трансфера (культурных перемещений). Начало влияния Шпенглера на Фицджеральда относится к «Великому Гэтсби». В статье обращается внимание на то, что заглавные герои двух последних незаконченных романов писателя могут рассматриваться как фаустовский человек в начале и конце исторического цикла. Джек Керуак (Kerouac) принадлежал к поколению «битников». Само слово «бит» восходит к английскому переводу «космического ритма» – концепта, столь важного в картине мира Шпенглера. Керуак развивал темы, намеченные Шпенглером: отупляющее и разрушительное влияние города на современного человека, феномен отчуждения, противопоставление жизни интеллекта реальному существованию, непостижимость концепта времени, значение памяти, неукротимое стремление фаустовского человека к движению и совершенствованию. Проанализировано авторское переосмысление концепта «феллаха», заимствованного Керуаком у Шпенглера, сделано предположение о влиянии идей Шпенглера на поэтику «спонтанной прозы». В шпенглеровскую парадигму вписывается и общая направленность мысли американского социолога и философа А. Блума (Bloom), чья знаменитая книга «Закат американского разума» (*The Closing of the American Mind*, 1987) стала первой ласточкой «культурных войн» в США. Его роль в интеллектуальной жизни США конца XX века близка тому, чем Шпенглер был для Германии своего времени. Каждая из трех рассматриваемых фигур стала выразителем поколенческих культурных трансформаций («потерянное поколение», «бит-поколение», поколение «культурных войн»), что подтверждает рекуррентную созвучность идей Шпенглера периодам парадигматических культурных сдвигов. Выводы могут быть использованы при изучении и осмыслении культуры США XX века, ее взаимосвязей с европейской интеллектуальной традицией.

**К л ю ч е в ы е с л о в а :**  
культурные трансферы; американская культура; цивилизации; фаустовский человек; космические ритмы; культурное сознание; национальное сознание.

Antsyferova O. Yu.  
Saint Petersburg, Russia

## SPENGLERIAN IDEAS IN AMERICAN CULTURAL CONSCIOUSNESS

**Abstract.** The aim of the article is to study the three most striking cases of the Oswald Spengler's influence on the USA authors (F. Scott Fitzgerald, J. Kerouac, A. Bloom). The subject of research is Spenglerian cultural concepts which appeared most relevant for the Americans and the ideological premises of the transfer of cultural concepts. The methodology applied in the article is one of the modern modifications of the comparative method – the study of cultural transfer (cultural movements of ideas and concepts and their consequent incorporation into the new culture). The beginning of Spengler's influence on Fitzgerald dates back to *The Great Gatsby*. The attention is drawn to the fact that the title characters of the last two unfinished novels of the writer can be viewed as Faustian men at the beginning and end of the historical cycle respectively. Jack Kerouac belonged to the generation of “beatniks”. The very word “beat” goes back to the English translation of “cosmic rhythm,” the concept critically important for the worldview of Spengler. Kerouac developed the themes foregrounded by the German philosopher: the stupefying and destructive influence of the city on modern man, the phenomenon of alienation, the opposition of the intellect to real existence, the incomprehensibility of the concept of time, the meaning of memory, the insatiable desire of the Faustian man to move forward and to better oneself. Kerouac's reinterpretation of the concept of “fellaheen” is analyzed; an assumption is made about the influence of Spengler's ideas on the poetics of “spontaneous prose”. The general tendency of the American sociologist and philosopher Alan Bloom, whose famous book *The Closing of the American Mind* (1987) became the first sign of “cultural wars” in the USA, also fits into the Spengler paradigm. Bloom's role in the intellectual life of the United States at the late 20th century is found very similar to what Spengler was for Germany of his time. Each of the three figures in question became exponents of generational cultural transformations (“the lost generation”, “beat-generation”, and the generation of “cultural wars”), which confirms the recurrent consonance of Spengler's ideas to periods of paradigmatic cultural shifts. Conclusions made can be implemented for study and research of the 20th century USA culture and its relationship with European intellectual tradition.

**Keywords:**  
cultural transfers;  
American culture;  
civilizations; Faustian man; cosmic rhythms;  
cultural consciousness;  
national consciousness.

**Для цитирования:** Анцыферова, О. Ю. Шпенглериянство в американском культурном сознании / О. Ю. Анцыферова // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 109–117. DOI: 10.26170/FK19-04-14.

**For citation:** Antsyferova, O. Yu. (2019). Spenglerian Ideas in American Cultural Consciousness. In *Philological Class*. No. 4 (58), pp. 109–117. DOI: 10.26170/FK19-04-14.

## Введение

Цель данной статьи – рассмотреть три наиболее ярких случая влияния Освальда Шпенглера (1880–1936) на художников и мыслителей США XX века. Речь пойдет об эпохальном труде «Закат Европы» (*Der Untergang des Abendlandes*, 1918), и будет проанализировано, какие культурные концепты, выработанные Шпенглером, оказались наиболее близки тому или иному художнику или интеллектуалу и какие мировоззренческие основания способствовали выявленным случаям трансфера культурных концептов. Основная исследовательская методология – одна из современных модификаций компаративного метода – изучение культурного трансфера (культурных перемещений), предложенная французским литературоведом Мишелем Эспанем [*Espagne* 1999; *Transferts culturels triangulaires* 1996] и описанная в нашей стране Е. Е. Дмитриевой [Дмитриева 2014: 106–116]. В отличие от традиционной компаративистики, культурный трансфер «вмещает в себя, помимо сферы собственно интеллектуальной, жизнь экономическую, демографическую, психическую» [Дмитриева 2014: 106]. Кроме того, «в расчет уже берется более не бинарная оппозиция – две культуры, одна из которых обязательно осмысливается как культура-реципиент, то есть культура принимающая, – но конструкция гораздо более сложная <...> В качестве аналогии можно было бы привести работу лингвиста, который в изучении коммуникативной ситуации должен учитывать не только отношения говорящего и воспринимающего, но и все те условия, что создают контекст ситуации говорения-восприятия» [Дмитриева 2014: 109]. Применительно к «морфологии культуры» Освальда Шпенглера такая методология, переориентированная в сторону *транснационального*, представляется особенно продуктивной и перспективной.

Три выбранных представителя американской культуры принадлежат к трем разным поколениям, что свидетельствует о длительности и прочности влияния Шпенглера на американскую духовную жизнь. Знаменательно, что каждое из поколений – будь то «потерянное поколение», к которому принадлежал Фрэнсис Скотт Фицджеральд (1896–1940), или «поколение битников», которое олицетворял Джек Керуак (1922–1969), или время «культурных войн», первой ласточкой которого стал интеллектуальный труд Алана Блума (1930–1992) – связано с кризисом, порожденным войной (в прямом или переносном смысле).

### 1. Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Знаменитый американский писатель Фрэнсис Скотт Фицджеральд, по свидетельству общавшегося с ним искусствоведа Гарри Сэлпетера, на определенном этапе своей карьеры стал называть себя «американским шпенглеризмом» [*Conversations...* 2003: 86], что звучит достаточно парадоксально, если учесть ряд описанных далее обстоятельств.

«Закат Европы» (1918) был переведен на английский язык в 1926 году. К этому времени Фицджеральдом уже были написаны многие рассказы, а также три из пяти романов – «По эту сторону рая» (*This Side of Paradise*, 1920), «Прекрасные и проклятые» (*The Beautiful and Damned*, 1922) и «Великий Гэтсби» (*The Great Gatsby*, 1925).

Очевидно, о прямом знакомстве писателя с трудами Шпенглера до 1926 года речи идти не могло. Тем не менее, в интервью 1927 года Фицджеральда уже спрашивают об истоках его интереса к идеям Шпенглера как признанном факторе его творческого самосознания. Писатель отвечает: «Шпенглеризм возмущает гибель нашей цивилизации» [*Conversations...* 2003: 87]. Он также признает, что идеи Шпенглера вдохновили его на написание «Великого Гэтсби» и указывает при этом, что познакомился с «Закатом Европы» в 1924 году [Lehan 1980: 137]. Известно, однако, что по-немецки Фицджеральд не читал [*Conversations...* 2003: 87], но, скорее всего, был знаком с многочисленными англоязычными откликами на шпенглеровский труд.

Ричард Лехан, автор статьи «Ф. Скотт Фицджеральд и романтическая участь», размышляет: «Когда идеи Шпенглера впервые появились в Германии, они стали сенсацией, и его общая теория о состоянии Запада дебатировалась в интеллектуальных кругах по обе стороны Атлантики. Книги Шпенглера собрали обильный урожай рецензий, многие из которых содержали подробное изложение его сочинений, так что его идеи буквально витали в воздухе, в особенности в Европе». Так, между 1922 и 1924 гг. было опубликовано по крайней мере девять рецензий на книгу Шпенглера на английском языке [Lehan 1980: 137]. В свете всего этого уже не удивляют слова Фицджеральда в его письме Максвеллу Перкинсу: «Я читал Шпенглера все лето, пока писал „Великого Гэтсби“, и думаю, что никогда уже не освобожусь от его влияния» [*The Letters...* 1963: 289].

В свете вышесказанного, в заглавном герое самого знаменитого романа Фицджеральда Гэтсби можно видеть запоздавшую модель фаустовского человека Шпенглера, с его безмерностью, стремлением к несбыточному, с воображением, воспаряющим подобно шпилям готических соборов. И тогда трагедию Гэтсби можно объяснить тем, что его жизненные устремления ведут его в ложную сторону: «То, что Гэтсби пытается сотворить из самого себя, принадлежит к безнадежно ушедшему в прошлое миропорядку. Как и у шпенглеровского фаустовского человека, <...> судьба Гэтсби подчинена тому, что Шпенглер называл Участь (*Destiny*), то есть тому историческому процессу, который непосредственно влияет на всех людей, существующих внутри культуры, в то время как сама культура трансформируется» [Lehan 1980: 141].

Влияние философии Шпенглера можно обнаружить и в следующем романе «Ночь нежна» (1934), который создавался уже после (или в процессе) основного знакомства писателя с трудом немецкого мыслителя. Имея в виду ключевую шпенглеровскую аналогию между этапами существования государства и периодами человеческой жизни (рождение, рост, расцвет и упадок, с которой ассоциируется современность), а также то, что Римская цивилизация рассматривалась философом как упадок античной культуры, уже совсем не случайным, к примеру, кажется, что человеческая трагедия Дика Дайвера, его потеря себя достигает кульминации в Риме, а Розмари Хойт занята в фильме под названием *The Grandeur that was Rome*.

Хотелось бы в свете рассматриваемой темы упомянуть один малоизвестный факт из творческой био-

графии Фицджеральда: сразу после окончания романа «Ночь нежна» в апреле 1934 года он начал работу над историческим романом «Филипп, Граф тьмы» (*Philip, Count of Darkness*), замысел которого долго вынашивал, но так и не завершил. Вышло четыре выпуска (из десяти или одиннадцати задуманных) в журнале *Red Book*. Роман посвящен одному из самых знаменитых представителей династии Капетингов, сыну Генриха Первого и Анны Ярославны. В романе писатель задумывал охватить более шестидесяти лет средневековой истории (880–950): начав с юности Филиппа, описать его роль основателя французской нации и довести повествование до его старости, когда он многое сделал для укрепления феодальной системы. Очевидно, что судьба Филиппа интересовала американского писателя в связи со становлением западной культуры. Выбор времени и места действия представляется весьма симптоматичным, если мы вспомним, что Шпенглер связывал зарождение Западной культуры примерно с 900 г. и рассматривал годы правления франков (500–900 гг.) как время вызревания этой культуры.

Первые три эпизода романа не вызвали интереса ни у читателей, ни у критиков, а последний из написанных четырех был опубликован журналом только в 1941 г., так что сама публикация романа воспринималась как «„благотворительный проект“ журнала „Redbook“» [Moyer 1974: 239]. Однако Фицджеральд продолжал настаивать в письмах к своему редактору Максвеллу Перкинсу в 1938 году: «Несмотря на некоторую непрописанность, Филип – один из лучших характеров, что мне довелось создать. Книга о нем должна быть очень масштабной» [The Letters... 1963: 281].

Фицджеральд абсолютно разделял оценку Шпенглером состояния современной западной культуры и понимание философом соотношения культуры и цивилизации. Как мы помним, Шпенглер писал: «...У каждой культуры есть *собственная* цивилизация». Культура и цивилизация рассматривались им «как выражение строгой и необходимой *органической последовательности*. Цивилизация – неизбежная *судьба* культуры... Цивилизации суть *самые крайние* и *самые искусственные* состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они – завершение, они следуют за становлением как ставшее, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение, за деревней и душевным детством, за свидетелем дорикой и готикой, как умственная старость и каменный, окаменяющий мировой город. Они – конец, без права обжалования» [Шпенглер 1993: 163–164]. Литературоведу трудно было бы не искать преемственности между «Ночь нежна» и «Филиппом, графом тьмы», как это и сделал К. Мойер. Если первый роман может быть прочитан как повествование об «упадке Запада, о скатывании западной цивилизации к полному моральному хаосу», то в «Филиппе» Фицджеральд обращается «к другому полюсу того же исторического континуума: заре Западной культуры и зарождению фаустовского духа» [Moyer 1974: 242]. Действительно, Филип интересует автора как фаустовский человек в начале исторического цикла, полный сил, вдохновения, готовый на все для достижения своих целей. В этом смысле, пожалуй, наиболее яркое впечатление оставляет чисто фаустианский мотив

в последнем четвертом эпизоде «Боги тьмы», когда Филип, ранее борющийся совместно с духовенством с пережитками язычества, ищет защиты у оккультных сил и прибегает к ведовскому культу. «I'll use this cult – and maybe burn in hell forever after... But maybe Almighty Providence will understand... Maybe He built a castle once. Maybe He knows... But if these witches know better, then I'll be one of them!» [Scott Fitzgerald 1941: 91].

Роман не был закончен, а далее началась работа над «Последним магнатом», живописующим того же фаустовского человека, но в конце исторического цикла. Неоконченный роман «Последний магнат» также хорошо вписывается в парадигму шпенглеровских размышлений об участии фаустовского человека как апофеоза индивидуализма. Описывая чрезвычайно успешную продюсерскую деятельность Манро Стара, Фицджеральд делает акцент на его обреченности (болезнь, одиночество, смерть героя в авиакатастрофе, планируемая в конце романа), поэтому трудно не согласиться с Кермитом Мойером, который в 1974 году указывал на то, что, по сути, стало общим местом социологических интерпретаций романа: в нем прочитывали прежде всего попытку показать поражение индивидуализма, теснимого силами коллективизма и большого бизнеса, а также попытку противопоставить славное американское прошлое анемичному и вялому настоящему – настоящему, навсегда потерявшему связь со своими героическими истоками [Moyer 1974: 238].

Образ Стара создается по законам мифотворчества. Здесь мне хотелось бы обратить внимание на то, как описывается в конце первой главы посадка самолета, на борту которого мы знакомимся с основными действующими лицами и где разворачивается большая часть действия этой главы: «This was where Stahr had come to earth after that extraordinary illuminating flight where he saw which way we are going, and how we looked doing it, and how much of it mattered. You could say that this was where an accidental wind blew him but I don't think so. I would rather think that in a 'long shot' (дальний общий план) he saw a new way of measuring our jerky hopes and graceful rogueries and awkward sorrows, and that he came here from choice to be with us to the end. Like the plane coming down into the Glendale airport, into warm darkness» [Scott Fitzgerald 2018: 29].

В критике стало общим местом говорить о «двойном видении» Фицджеральда, и здесь, в концовке первой главы «Последнего магната», это «двойное видение» получает классическое выражение: образ Манро Стара двойится: он одновременно и «один из нас», один из пассажиров самолета, в отличие от остальных, совершивший часть полета в кабине с пилотами (отсюда образ – *illuminating flight*), но он и богочеловек, которому дано видеть дальше и больше других. Подобно Филиппу из «средневекового романа» Фицджеральда, Стар наделен необыкновенным даром исторической и профессиональной интуиции. Основной профессиональный конфликт (насколько он, конечно, прописан в «Последнем магнате») – конфликт между Старом и его коллегой, волевым и бескомпромиссным Пэтом Брэйди, которого Фицджеральд в набросках к роману характеризует как «монополиста в самом худшем его проявлении» [Scott Fitzgerald 1941a: 140]. Вероятно, пра-

вы те критики, которые предполагают в этом конфликте символическое противостояние бесчеловечного большого бизнеса и больших денег, за которыми будущее, и более гуманного патерналистского стиля руководства, который безнадежно уходит в прошлое и которое воплощает Манро Стар. Конфликт этот только намечен, однако из набросков мы узнаем, что в финале романа, после того как Стар стал жертвой шантажа Брэйди, после того как он узнает, что Брэйди задумал его убийство, Стар обращается к гангстерам и «заказывает» Брэйди. Эту финальную часть романа Фицджеральд озаглавливает в своем рабочем плане «Акт 3. The Underworld» («Акт третий. Преисподняя»). Подобно Филипу, Князю Тьмы, Манро, по замыслу автора, должен был заключить фаустианскую сделку с «темными силами» (с поправкой на вполне социальную реальность романа – с гангстерами). И писатель в своих заметках указывает, что ему было равно важно показать, что Манро «оставил после себя и определенное зло, не только добро» [Scott Fitzgerald 1941a: 150].

Знаменитый канадский литературовед, представитель мифокритики Нортроп Фрай, влияние на которого Шпенглера бесспорно, заимствовал у немецкого философа аналогию четырех стадий западной культуры и четырех времен года. Проследившая эти стадии, Н. Фрай пишет: «Потом <западная цивилизация> достигла своей „зимней“ стадии, которую Шпенглер именует цивилизацией в отличие от культуры. В это время культурные и научные достижения оборачиваются либо дальнейшим истощением возможностей, либо неорганичным повтором уже сделанного. Основные энергии этой эпохи имеют технологический характер. Она характеризуется великими техническими изобретениями, опустошительными войнами и диктаторскими режимами; население в эту эпоху мигрирует из сельской местности в огромные, аморфные города, где выковывается новый „человек массы“» [Frye 1974: 2]. Именно с этими свойствами цивилизации генетически связан европейский и американский авангард, в частности «битники».

## 2. Джек Керуак

Еще один случай гораздо более несомненного и более осязаемого влияния Шпенглера мы можем обнаружить в творчестве одного из ведущих представителей бит-поколения – в литературе Джека Керуака. Термин «бит-поколение» появился в 1948 году и принадлежал самому Джеку Керуаку, таким образом охарактеризовавшему неконформистское молодежное движение и андеграунд в Нью-Йорке, которые были, по сути, культурными правопреемниками практически исчезнувшего на тот момент «потерянного поколения».

В 1944 г. Уильям Берроуз рекомендовал Дж. Керуаку почитать «Закат Европы» Освальда Шпенглера. Керуак и кружок его друзей по Колумбийскому университету все глубже осознавали духовный кризис общества, в котором они жили, и будущее для них все реальнее связывалось с перспективой упадка, а совсем не с бесконечным прогрессом, который сулила официальная американская идеология. Не будет преувеличением сказать, что все творчество Керуака порождено осознанием именно этого духовного кризиса. Концепты, раз-

работанные Шпенглером, определяют проблематику текстов Керуака, да и само имя немецкого философа в них встречается не раз.

Концепты культуры как становящегося и цивилизации как синонима омертвелости часто используются Керуаком и исследователями его творчества для осмысления мировоззрения битников. Сам писатель подчеркивал в одном из интервью конца 1950-х: «Бит никогда не подразумевал некоего незрелого подросткового хулиганства. Битники – это носители определенного типа духовности, и они не сбиваются в шайки, а подобно одиноким Бартлби, безнадежно разглядывают через окно глухую стену нашей цивилизации» [The Portable Jack Kerouac 1995: 559]. Тонко почувствовавшие этот замешанный на шпенглеризме новый тип духовности критики отмечают: «Для битников само собой разумеется, что человечество живет на руинах цивилизации» [Tallman 1959: 60]. Вторя Уоррену Толлману, Джон Тайтелл отмечал, что битники «разделяют шпенглеризмское ожидание полного распада западной культуры» [Tytell 1976: 9].

Магистральными для творчества Керуака стали темы, намеченные Шпенглером: оупляющее и разрушительное влияние города на современного человека, феномен отчуждения, противопоставление жизни интеллекта реальному существованию, непостижимость концепта времени, особое значение памяти, неукротимое стремление фаустовского человека к движению и совершенствованию. Разные ипостаси фаустовского человека воплощают герои писателя-битника. На страницах его прозы раздираемый страстями фаустовский человек живет, сомневается, страдает, и очень важным фактором осмысления этой трагедии оказывается особое, восходящее к Шпенглеру, понимание времени.

По Шпенглеру, человек, накладывая на все сущее сетку рациональных понятий, отдаляется от природы и теряет способность слышать ее ритм, то, что Шпенглер называет (в английском переводе) «cosmic beat». В сущности, само понятие «beat» пришло из Шпенглера, и потому шпенглеровские коннотации семы *beat* весьма значимы для понимания сути битничества.

В своем первом романе «Городок и город» (*The Town and the City*, 1950) Керуак на примере семьи Мартин затрагивает темы разрушающего влияния большого города на человека, потери связи с природой, прощание с духовной чистотой детства: члены семьи, происходящей из небольшого городка, теряют себя в большом городе. В написанной в 1952 году и опубликованной позже книге «Доктор Сакс: Фауст, часть третья» (*Doctor Sax: Faust Part Three*, 1959) Керуак затрагивает тему времени, связывая ее с природным ритмом. По Шпенглеру, человек теряет связь со временем, как только делает первые попытки рационально осмыслить окружающее. Для Керуака и его героев детство остается идиллическим временем шпенглеровского «чистого настоящего», для ребенка, как и для примитивного человека, время не концептуализируется. С концептуализацией времени (взрослением) жизнь не только теряет тепло и чувство безопасности, но и приобретает направленность, в ней появляется вектор движения. Человек в движении теряет связи с «чистым настоящим», начинает испытывать чувство одиночества, порожденное

несбыточным стремлением вновь обрести чувство почвы. Одним из неразрешимых парадоксов для Керуака оказываются вечные попытки поймать неуловимый настоящий момент, а единственным способом окончательно уйти от времени – смерть. Тень смерти осеняет страницы практически всех его текстов.

Генетически связанным со шпенглеровским пониманием истории культуры оказывается и ключевой для Керуака концепт феллаха (*fellaheen*). По словам Алана Гинзберга, Керуак заимствовал его у Шпенглера [Gifford, Lee 1979: 38]. У немецкого философа это арабское слово приобретает особое значение: отталкиваясь от первоначального смысла слов (арабский крестьянин), Шпенглер расширяет его и пишет о феллахе как об одном из трех типов в «морфологии народов». Эта морфология включала: примитив, имперские культуры и позже – феллахи. Термин *феллахи* он относил к потомкам примитивов и обозначал им группы, маргинализированные цивилизацией. Они сохраняют свою жизнеспособность, когда великая культура приходит к распаду. «Между примитивами и феллахами лежит история великой культуры» [Шпенглер 1993: 62]. Немецкий философ выстраивает оппозицию между историческими народами, которые существуют в мировой истории, и феллахами, чья жизнь относится к пост-историческому, пост-цивилизационному периоду. В то время как жизнь первых наполнена смыслом и глубиной, которые гарантируются великой имперской культурой, жизнь в восприятии примитивов и феллахов подобна бездумному существованию животных, это бесцельное и лишнее осознанного плана происходящее, когда много чего происходит, но при этом бесследно исчезает, ибо не имеет никакого смысла [Шпенглер 1993: 170–171].

Роберт Холтон комментирует: «В современном мире слово „феллах“ обозначает остатки уходящих культур, которые выживают на периферии Запада. Носители западной цивилизации вдохновляются фаустианским духом своей культуры, который помогает им осознать собственное место в мировой истории и ведет к завоеванию новых и новых интеллектуальных и географических пространств. Феллахи же, напротив, – это те, кто находится в неосмысленной исторической траектории» [цит. по: Schryer 2011: 128]. Если Шпенглер подчеркивал поверхностность и бессмысленность существования феллахов, то Керуаку, напротив, импонировало то, что феллахи поддерживают тесную связь с почвой, давно утерянную белыми американцами.

Таким образом, Керуаком концепт феллаха воспринимался как один из способов преодоления ситуации заката и распада культуры. Именно так обстоит дело в «Бродягах Дхармы» (*The Dharma Bums*, 1958). «В дороге» (*On the Road*, 1951) он пишет об индейцах и мексиканцах как о «феллахах» современного мира. Для Керуака феллахи – это люди, все еще привязанные к земле, к космическому ритму. Его центральные персонажи часто стремятся обрести единство с феллахами, которым, по Шпенглеру, суждено унаследовать то, что останется после заката цивилизации. Феллахи одновременно и до- и пост-исторические. Словами Сэла, героя «В дороге», размышляющего об индейцах, феллахи – «племя, составляющее изначальную сущность умытого сле-

зами первобытного человечества», и «когда мир „истории“ придет к своей гибели и снова – уже в который раз! – настанут времена, предсказанные в Апокалипсисе феллахов, люди будут теми же глазами смотреть на мир из пещер Мексики, как и из пещер Бали, где было положено начало всех начал, где был вскормлен и получил урок познания Адам» [Керуак 2003: 342–343].

И Шпенглер и Керуак описывают современного человека (*the Modern Man*) как стремящегося к чему-то неопределимому и им самим до конца несознаваемому. «Фаустовский человек» стремится вырваться из границ, налагаемых на него временем и смертью, пытаясь сохранить в себе прошлое посредством памяти, в то время как непреодолимое стремление к переменам и совершенствованию обрекает его на вечное, не до конца понимаемое, но целенаправленное движение.

Думается, вышеперечисленные особенности повлияли и на поэтику «спонтанной прозы» Керуака, с ее неупорядоченностью и постоянными отступлениями. Как пишет один из современных исследователей прозы Керуака Джошуа Купец в своей статье, названной цитатой «Прямая линия может привести только к смерти»: «Жизнь – это постоянные отступления от намеченных целей. Уйдя в сторону от своей цели, человек намечает себе новую цель, по пути к которой ему неизбежно суждено вновь уйти в сторону, через серию круговых поворотов, которые будут повторяться до тех пор, пока не замкнется круг, ограничивая то непознаваемое, что и является ядром нашего существования» (*'the experience of life is are gular series of deflections' from one's goals. As one is deflected from one's goal [...] he or she establishes a new goal from which he or she will inevitably also be deflected, [...] [forming] a series of right-hand turns that continue until one makes a complete circle that circumscribes an unknowable 'thing' that is 'central [...] to existence*) [Kupetz 2008: 89]. Влияние идей Шпенглера на поэтику прозы Джека Керуака может стать предметом специального анализа, но несомненно одно: Шпенглера с его особой философией истории и видением человека в ней, безусловно, можно перечислить среди фигур, повлиявших на глубоко своеобразную прозу Керуака, наряду с Марселем Прустом, Эрнестом Хемингуэем и Томасом Вулфом.

### 3. Алан Блум

Если Фицджеральд сам называл себя шпенглерянином, если корневая связь между битничеством и шпенглерянином тоже достаточно очевидна, то в заключение мне хотелось бы рассмотреть случай известного американского интеллектуала, чье имя чаще всего не упоминается в прямой связи с именем Шпенглера. Однако общая направленность его мысли, как мне представляется, совпадает с магистральными линиями, намеченными Шпенглером. Речь идет об американском социологе, философе и специалисте по античности Алане Блуме (1930–1992), чья знаменитая книга «Закат американской мысли: как современное высшее образование предало демократию и ограбило души студентов» (*The Closing of the American Mind: How Higher Education Has Failed Democracy and Impoverished the Souls of Today's Students*, 1987) стала первой ласточкой «культурных войн» в США [Анцыферова 2015: 263–275].

«Закат американской мысли» – фундаментальная научная монография, парадоксальным образом получившая статус интеллектуального бестселлера, четыре месяца занимала первую позицию в списке лучших нехудожественных книг по версии «Нью-Йорк Таймс»; это научное издание в твердой обложке было распродано в количестве полумиллиона экземпляров.

Среди разнообразных и значимых научных достижений Алана Блума отметим выпущенный им в 1968 г. комментированный перевод «Государства» Платона. Среди его научных и идейных авторитетов – Сократ, Ницше, Руссо. Опираясь на эту духовную традицию, он и рассуждает о причинах того, почему в такой удручающей ситуации оказалось высшее образование США. С его точки зрения, релятивизм мышления, поощряемый современными философами и приводящий к открытости и незавершенности любого суждения, парадоксальным образом приводит к «ограниченности» («закату», «закртыю») мыслительных навыков современной молодежи.

Многие суждения А. Блума, возможно, отмечены полемическими перехлестами. Само заглавие книги несет в себе некое внутреннее противоречие, ибо «американский разум», «закат» которого с горечью констатирует А. Блум, является у ученого исключительно и всецело производным от европейской мысли. Демонстрируя глубину историко-философского анализа, А. Блум определяет генезис и внутренне противоречивую природу трансформаций в университетском каноне, вызванных мультикультурализмом: «Только у **западных** наций, которые складывались под влиянием греческой философии, наблюдается некая склонность сомневаться в тождестве между благом и собственной сущностью. Изучая другие культуры, мы не можем не заметить, что каждая из них не только отдает предпочтение самой себе, но и убеждена в своем превосходстве перед другими – а эта позиция прямо противоположна той, какую мы хотим воспитать у наших студентов, приобщая их к другим <вне-Западным> культурам» [Bloom 1987: 36].

Профессор Блум задает своим ученикам вопросы о том, как они понимают зло. «Ответ следовал незамедлительно: Гитлер (Сталина почти не вспоминали) <...> И всё. Они не имеют представление о том, что такое зло, они сомневаются в самом его существовании. Гитлер – это просто еще одна абстракция, имя, которым можно заполнить пустую категорию. Живя в мире, где совершаются самые ужасные вещи, и сталкиваясь на улицах с самыми зверскими преступлениями, они просто игнорируют их. Возможно, они полагают, что плохие поступки совершаются людьми, которые, пройдя хорошую терапию, никогда не совершат их снова, другими словами – что есть плохие деяния, но нет плохих людей. В их комедии нет *Inferno*» [Bloom 1987: 67]. Возникает абрис существования «за пределами добра и зла».

Специальную главу посвящает А. Блум рок-музыке, особое внимание уделяя ее раскрепощающему воздействию: «Рок-музыка становится источником несвоевременного экстаза, и, в этом отношении, она сродни наркотикам, с которыми неразрывно связана. Она искусственным образом вызывает крайне возбужденное состояние, которое могло бы быть естествен-

ным результатом самых больших свершений – победы в справедливой войне, взаимной любви, творческого достижения, религиозного поклонения и обретения истины. Без малейших усилий, без малейшего таланта, без выдающихся достоинств, без тренировок любой и каждый получает право пользоваться плодами этого удовольствия. Из своего опыта общения со студентами, прошедшими через наркотики, знаю, что, преодолев наркозависимость, они вряд ли могут испытывать былой энтузиазм или большие надежды. Жизнь их как будто теряет цвет, и они видят все в черно-белом цвете. Удовольствие, которое они испытали вначале, было настолько острым, что они уже больше не ищут его, они вообще не видят перед собой никакой цели. Они могут вести правильную жизнь, но это будет только сухое, рутинное существование. Их энергия исчерпана, и чем бы они ни занимались в жизни, она для них обернется только жизнедеятельностью. В то время как либеральное образование должно поддерживать веру в то, что добродетельная жизнь – это жизнь, приносящая удовольствие, и что самая добродетельная жизнь – это жизнь, приносящая самое полное удовольствие» [Bloom 1987: 80]. В конце главы о влиянии рок-музыки на студентов Блум резюмирует: «Пока у них в ушах наушники от плеера, они не могут слышать того, что может им сказать великая традиция. А после долгого слушания музыки, когда вынимаются из ушей наушники, оказывается, что они совсем оглохли» [Bloom 1987: 81]. Американский ученый словно диагностирует мертвящее действие *цивилизации*, пришедшей на смену *культуре*.

Автор «Заката американского разума» вспоминает об одном эпизоде, который стал для него откровением. Серьезное чтение Платона, по его наблюдениям, почти всегда побуждает студентов к искренности, заставляет их выйти за рамки привычных стереотипов. И вот в одной из таких бесед он спросил студентку о том, почему теперешние молодые люди, имея превосходное образование и все предпосылки для успешной карьеры, часто не могут выбрать что-то одно и проводят свою жизнь в бессмысленных поисках. Ответ студентки изумил Блума: «Это из-за страха ядерной войны» [Bloom 1987: 83]. Далее он комментирует: «Их отношение к жизни отмечено удивительной апатией, отсутствием желания задуматься о перспективах, но это качество с равным успехом можно приписать отсутствию фронта, который уже не препятствует завоеванию Дикого Запада, смерти Бога или страху перед ядерной угрозой. <...> Умение выжить заняло место героизма в их сознании. <...> Это порождает новую степень разобщенности, которая не оставляет молодым людям иной альтернативы, кроме как уйти в мир собственных интересов. Какие-то внешние вещи, которые требовали бы их внимания и проявления чувств, просто не существуют <...> Америка переживается ими не как совместный проект, но как некая модель существования, где все люди сугубо индивидуализированы, где все они брошены на произвол» [Bloom 1987: 84–85]. С горькой иронией А. Блум пишет: «Единственный общий проект, который владеет воображением молодых – это покорение космоса, который, как известно, пуст» [Bloom 1987: 86].

Вторая часть книги А. Блума называется «Нигилизм: американский стиль». Здесь он обрисовывает господ-

ствующее умонастроение в американском обществе, прослеживая, как и во всех других случаях, его европейские истоки: «Поиски, начатые Одиссеем и продолжавшиеся более трех тысяч лет, зашли в тупик и закончились выводом о том, что искать нечего. Это сомнительное суждение впервые сформулировал Ницше, провозгласив смерть бога. Добро и зло в первый раз стали относительными ценностями, которых может быть тысячи, и ни одна из которых не имеет рационального или объективного преимущества перед другими <...> Философский образ жизни стал просто опасен. Короче говоря, Ницше с убийственной серьезностью сообщил современному человеку, что тот падает в бездну нигилизма» [Bloom 1987: 143]. Ницшеанская идея декаданса, упадка составила главный вектор размышлений Шпенглера.

А. Блум вспоминает об изменениях в образовательной парадигме, выпавших на его долю: «Есть огромная разница между тем, что некогда говорили преподаватели: „Вы должны научиться смотреть на мир глазами Гомера и Шекспира“ – и тем, что они говорят сейчас: „Гомер и Шекспир затрагивают ряд вопросов, которые будут полезны вам и обогатят ваше знание о мире“. При первом подходе студенты призваны были, благодаря литературе, открыть для себя новый опыт и заново переосмыслить старый; при втором – студенты вольны использовать книги, как им заблагорассудится» [Bloom 1987: 374].

Освальд Шпенглер, размышляя о неизбежном конце науки, писал: «Индивид совершает акт отречения, откладывая в сторону книги. *Культура* отрекается, переставая выявлять себя в высоких научных умах; но наука существует лишь в живой мысли поколений великих ученых, и книги суть ничто, если они не живы и не действительны в людях, доросших до их понимания» [Шпенглер 1993: 624–625].

Приведенные размышления Алана Блума весьма созвучны общей парадигме Освальда Шпенглера об упадке западной цивилизации, которую Блум ярко и убедительно прослеживает на примере интеллектуальных, образовательных и ценностных трансформаций современного ему студенчества.

В подтверждение своему интуитивному ощущению сходства между Блумом и Шпенглером, хотелось бы привести в заключение цитату из книги «Яростная демократия» (*Violent Democracy*, 2004) философа Дэниэла Росса: «<Блум> – это что-то вроде американской версии конца 20 века того, чем Шпенглер был для Германии в начале того же века. Оба являлись интеллектуальными вождями правого крыла. „Закат американского разума“, как и „Закат Европы“, стал настоящим бестселлером, и в обоих случаях это произошло благодаря тому, что основополагающий тезис подтверждался внушительным собранием исторических и философских доводов, суть которых была проигнорирована их критиками, и этот главный тезис состоял в том, что современное общество безнадежно заражено интеллектуальным и культурным декадансом» [Ross 2004: 27].

### Заключение

Итак, в статье мы рассмотрели три случая культурного трансфера шпенглеровских идей в США, а также факторы, сопутствующие выявленному культурному трансферу и выявляющие его мировоззренческие

основания. Рассмотренные примеры, думается, с достаточной степенью убедительности демонстрируют непреходящее значение шпенглеровской парадигмы истории для кризисных, переходных периодов развития на примере культурной истории США XX–XXI вв. (при всем различии степеней индивидуальной осознанности и интенсивности воздействия Шпенглера на трех американских авторов). Фрэнсис Скотт Фицджеральд сам называл себя шпенглеровцем, и в его случае можно говорить о прямом воздействии идей немецкого философа на него как на представителя «потерянного поколения». Корневая связь между битничеством и шпенглеровством, демонстрируемая Джеком Керуаком, тоже достаточно очевидна и в равной степени определена культурно-историческим и духовным кризисом, вызванным Второй мировой войной. Алан Блум, чья книга стала первой ласточкой «культурных войн», нигде не называет себя адептом шпенглеровства, однако общая направленность его мысли совпадает с магистральными линиями, намеченными немецким философом, и, возможно, этот случай культурного трансфера оказывается подготовленным предшествующим опытом освоения шпенглеровства американцами. Каждая из трех рассматриваемых фигур стала выразителем поколенческих культурных трансформаций («потерянное поколение», «бит-поколение», поколение «культурных войн»), что подтверждает рекуррентную созвучность идей Шпенглера периодам парадигматических культурных сдвигов.

В качестве заключительного наблюдения хотелось бы констатировать, что недавний и последний по времени тектонический сдвиг в культуре, вызванный развитием новых информационных технологий и все более настойчивым вторжением сетевых взаимодействий в формирование интеллектуальной среды (то, что получило название Web 2.0), удивительным образом вновь вызвал в коллективной памяти имя Шпенглера в соседстве с Аланом Блумом. Яркий противник использования технологий Web 2.0 в культуре англо-американский политолог Эндрю Кин (род. 1960), аргументируя несомненную, на его взгляд, вредоносность интернета для культуры, предостерегает современников от скорого духовного коллапса, предотвратить который может «если не Шпенглер, то хотя бы Алан Блум. Но в Силиконовой долине, где ведет свое наступление эпоха Web 2.0, больше нет ни Блумов, ни Шпенглеров. Все, что у нас осталось – это необоримый соблазн участвовать в гражданской журналистике, общедоступность контента и победоносная реальность сетевых сообществ. И, конечно, блоги. Миллионы и миллионы блогов» [Keen 2010: 56].

Сделанные в статье выводы могут быть использованы при изучении и осмыслении культуры США XX века, ее взаимосвязей с европейской интеллектуальной традицией. Сохранит ли для будущих кризисных моментов свою актуальность оппозиция культура/цивилизация, будет ли и дальше демонстрировать свою жизнеспособность категория фаустовского человека, найдет ли отклик в сердцах надежда на спасение от бездуховности в близости к природе и возвращении к истокам человечества, покажет время. Пока «Закат Европы» еще не стал археологией знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Анцыферова О. Ю. Постмодернистская полемика об античности: Донна Тартт vs Аллан Блум // Вопросы литературы. – 2015. – № 6. – С. 263–275.
- Дмитриева Е. Е. Компаративный метод и его современные паллиативы: *transfert culturel, histoire croisée, histoire partagée* // Проблемы культурного пограничья. Памяти В. Б. Земскова (1940–2012): сборник статей. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. – С. 106–116.
- Керуак Дж. В дороге / пер. с англ. В. Когана. – СПб.: Азбука-Классика, 2003. – 384 с.
- Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма / под ред. Е. Дмитриевой и М. Эспаня. – М.: ИМЛИ, 2014. 472 с.
- Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии истории / пер. с нем. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – Том 1. Гештальт и действительность. – 633 с.
- Bloom A. The Closing of the American Mind: How Higher Education Has Failed Democracy and Impoverished the Souls of Today's Students. – New York: Simon & Schuster Inc., 1987. – 380 p. – URL: <http://iwcenglish1.typepad.com/documents/14434540-the-closing-of-the-american-mind.pdf> (mode of access: 10.09.2019).
- Conversations with F. Scott Fitzgerald / ed. Matthew J. Bruccoli and Judith S. Baughman. – Mississippi University Press, 2003. – 133 p.
- Espagne M. Les transferts culturels franco-allemands. – Paris: Presses universitaires de France, 1999. – 286 p.
- Frye N. 'The Decline of the West' by Oswald Spengler // Twentieth-Century Classics Revisited. Spec. Issue of *Daedalus*. – 1974. – № 103. – Issue 1. – P. 1–13.
- Gifford B., Lee L. Jack's Book: An Oral Biography of Jack Kerouac. – New York: Penguin Press, 1979. – 339 p.
- Holton R. Kerouac Among the Fellahin: On the Road to the Postmodern // *MFS (Modern Fiction Studies)*. – Summer 1995. – Vol. 41. – № 2. – P. 265–283.
- Keen A. Why We Must Resist the Temptation of Web 2.0 // The Next Digital Decade. Essays on the Future of the Internet / ed. by B. Szoka and A. Markus. – Washington, D. C.: Tech Freedom, 2010. – P. 51–56.
- Kupetz J. 'The Straight Line Will Only Lead You to Death': The Scroll Manuscript and Contemporary Literary Theory // Kerouac J. On the Road: The Original Scroll / ed. H. Cunnell. – London: Penguin, 2008. – P. 83–97.
- Lehan R. F. Scott Fitzgerald and Romantic Destiny // F. Scott Fitzgerald Issue. Spec. Issue of Twentieth Century Literature. – 1980. – Vol. 26. – № 2. – P. 137–156.
- The Letters of F. Scott Fitzgerald / ed. by A. Turnbull. – New York: Charles Scribner's sons, 1963. 615 p.
- Moyer K. W. Fitzgerald's Two Unfinished Novels: *The Count* and *The Tycoon* in Spenglerian Perspective // *Contemporary Literature*. – 1974. – Vol. 15. – № 2. – P. 238–256.
- The Portable Jack Kerouac / ed. Ann Charters. – New York: Viking, 1995. – 656 p.
- Ross D. Violent Democracy. – Cambridge: Cambridge UP (GB), 2004. – 185 p.
- Scott Fitzgerald F. Gods of the Darkness // *Redbook*. – November 1941. – P. 85–103.
- Scott Fitzgerald F. The Last Tycoon / ed. by Edmund Wilson. – New York: Scribner's, 1941a. – 163 p.
- Scott Fitzgerald F. The Last Tycoon. – Moscow: T8RUGRAM/Original, 2018. – 174 p.
- Schryer S. Failed Faustians: Jack Kerouac and the Discourse of Delinquency // *MFS (Modern Fiction Studies)*. – Spring 2011. – Vol. 57. – № 1. – P. 123–148.
- Tallman W. Kerouac's Sound // The Tamarack review. – Spring, 1959. – P. 58–74.
- Transferts culturels triangulaires. France – Allemagne – Russie / Sous la direction de la Katia Dmitrieva et Michel Espagne. – Paris: éd. De la Maison des Sciences de l'Homme, 1996. – 421 p.
- Tytell J. Naked Angels. – New York: McGraw Hill, 1976. – 273 p.

REFERENCES

- Antsyferova, O. Yu. (2015). Postmodernistskaya polemika ob antichnosti: Donna Tartt vs Allan Blum [Postmodern Controversy over Antiquity: Donna Tartt vs Allan Blum]. In *Voprosy literatury*. No. 6, pp. 263–275.
- Bloom, A. (1987). *The Closing of the American Mind: How Higher Education Has Failed Democracy and Impoverished the Souls of Today's Students*. New York, Simon & Schuster Inc. 380 p. URL: <http://iwcenglish1.typepad.com/documents/14434540-the-closing-of-the-american-mind.pdf> (mode of access: 10.09.2019).
- Bruccoli, M. J., Baughman, J. S. (Eds.). (2011). *Conversations with F. Scott Fitzgerald*. Mississippi University Press. 133 p.
- Charters, A. (Ed.). (1995). *The Portable Jack Kerouac*. New York, Viking. 656 p.
- Dmitrieva, K., Espagne, M. (Eds.). (1996). *Transferts culturels triangulaires. France – Allemagne – Russie*. Paris, éd. De la Maison des Sciences de l'Homme. 421 p.
- Dmitrieva, E., Espagne, M. (Eds.). (2014). *Sravnitel'no o sravnitel'nom literaturovedenii: transnatsional'naya istoriya komparativizma* [Comparatively on Comparative Literary Studies: Transnational History of Comparative Studies]. Moscow, IMLI RAN. 472 p.
- Dmitrieva, E. E. (2014). Komparativnyi metod i ego sovremennye palliativy: transfert culturel, histoire croisée, histoire partagée [Comparative Method and its Modern Palliatives: transfert culturel, histoire croisée, histoire partagée]. In *Problemy kul'turnogo pogranich'ya. Pamyati V. B. Zemskova (1940–2012)*. Moscow, IMLI RAN, pp. 106–116.
- Espagne, M. (1999). *Les transferts culturels franco-allemands*. Paris, Presses universitaires de France. 286 p.
- Frye, N. (1974). 'The Decline of the West' by Oswald Spengler. In *Twentieth-Century Classics Revisited. Spec. Issue of Daedalus*. No. 103. Issue 1, pp. 1–13.
- Gifford, B., Lee, L. (1979). *Jack's Book: An Oral Biography of Jack Kerouac*. New York, Penguin Press. 339 p.
- Holton, R. (1995). Kerouac Among the Fellahin: On the Road to the Postmodern. In *MFS (Modern Fiction Studies)*. Vol. 41. No. 2, pp. 265–283.
- Keen, A. (2010). Why We Must Resist the Temptation of Web 2.0. In Szoka, B., Markus, A. (Eds.). *The Next Digital Decade. Essays on the Future of the Internet*. Washington, D. C., Tech Freedom, pp. 51–56.
- Kerouac, Dzh. (2003). *V doroge* [On the Road] / transl. by V. Kogan. Saint Petersburg, Azbuka-Klassika. 384 p.
- Kupetz, J. (2008). 'The Straight Line Will Only Lead You to Death': The Scroll Manuscript and Contemporary Literary Theory. In Cunnell, H. (Ed.). *Kerouac J. On the Road: The Original Scroll*. Penguin, pp. 83–97.
- Lehan, R. (1980), F. Scott Fitzgerald and Romantic Destiny. In *F. Scott Fitzgerald Issue. Spec. Issue of Twentieth Century Literature*. Vol. 26. No. 2, pp. 137–156.
- Moyer, K. W. (1974). Fitzgerald's Two Unfinished Novels: *The Count* and *The Tycoon* in Spenglerian Perspective. In *Contemporary Literature*. Vol. 15. No. 2, pp. 238–256.
- Ross, D. (2004). *Violent Democracy*. Cambridge, Cambridge UP (GB). 185 p.
- Scott Fitzgerald, F. (1941). Gods of the Darkness. In *Redbook*. November, pp. 85–103.
- Scott Fitzgerald, F. (2018). *The Last Tycoon*. Moscow, T8RUGRAM/Original. 174 p.
- Scott Fitzgerald, F. (1941a). *The Last Tycoon* / ed. by Edmund Wilson. New York, Scribner's. 163 p.
- Schryer, S. (2011). Failed Faustians: Jack Kerouac and the Discourse of Delinquency. In *MFS (Modern Fiction Studies)*. Vol. 57. No. 1, pp. 123–148.



- Shpengler, O. (1993). *Zakat Evropy: Ocherki morfologii istorii* [Der Untergang des Abendlandes: Umrisse Einer Morphologie der Weltgeschichte] / transl. by K. A. Svas'yan. Moscow, Mysl'. Vol. 1. Gestalt and Wirklichkeit. 633 p.
- Tallman, W. (1959). Keruac's Sound. In *The Tamarack review*. Spring, pp. 58–74.
- Turnbull, A. (Ed.). (1963). *The Letters of F. Scott Fitzgerald*. New York, Charles Scribner's sons. 615 p.
- Tytell, J. (1976). *Naked Angels*. New York, McGrow Hill. 273 p.

**Сведения об авторе**

Анцыферова Ольга Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург).

Адрес: 420008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15.  
E-mail: olga\_antsyf@mail.ru.

**Author's information**

Antsyferova Olga Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English, Saint Petersburg University of Humanities (Saint Petersburg).